

Г. Витценман

Идея эксперимента у Гёте и современное естествознание

Эта статья¹, публикуемая здесь вновь с изменениями и дополнениями, появилась впервые в журнале "Ди Драй" (1949). Она была написана тогда в связи с юбилеем Гёте, и поэтому обусловленное той эпохой отношение к нему не ретушировалось. Непонимание гётевского вклада в культуру, которое высказывалось в воспоминаниях о нем, как в положительных, так и в отрицательных, на сегодняшний день в основном ведь оставалось то же самое. Поскольку в главном не изменились причины и влияние этого непонимания - следствие душевного опустошения и опустошающие следствия - актуальность предлагаемой статьи не только не ослабла, но даже усилилась. Поэтому новая её публикация кажется автору вполне оправданной. Дополнением к этой статье и высветлением проблемы с иной точки зрения, служит эскиз автора "Путь к действительности: замечание к проблеме истины", опубликованный во второй части данного сборника.

I.

С именем Гёте связывают представление о некоем культурном суверене, который как никто другой овладел плодами западной культуры и некогда двигающими её силами, но который у порога нашей современности, нынешнего естествознания и техники, перед их средствами и методами познания и общественными проблемами в страхе убежал в свои сады, украшенные изображениями языческих божеств.

Если бы весомость чьих-то взглядов на мир определялась только числом их сторонников, тогда было бы безнадежно отрицать сходство подобного портрета Гёте в его существенных чертах. Ибо более или менее сознательно этот портрет стал общепринятым. Он был нарисован, однако, не в наши дни. Уже Дюбуа Реймон мог просто повесить его над кафедрой, читая лекцию при вступлении на пост ректора (Берлинского университета), которую он назвал "Гёте без конца" (Goethe und kein Ende). А всё-таки сегодня его вновь и вновь подвергают лакировке и, пользуясь случаем, ретушируют (замазывают) то одну, то другую черту портрета в стремлении к большей верности, движимом симпатией или антипатией. При этом, правда, уже не примыкают безоговорочно к мнению авторитета "Ignorabimus" ("мы не будем знать") о достижениях Гёте - исследователя, что мол, он поступил бы правильнее, если бы остановился на своем поприще и отказался от дилетантских чудачеств в области естествознания, которое вовсе не нуждалось в его непрошеном вмешательстве. Вместо того считается правильной оценка его значения для науки, когда отводят ему кое-какие резервации в стороне от точных наук и ставят ему в упрек разве лишь полемику против Ньютона как недопустимое переступание границы в (благодаря) недостаточном самопонимании из-за недостающих математических средств. Однако, не считая этого изменения, еще и сегодня традиционная карикатура на человека, который не сделал шага в наш мир (не

сумел, не отважился или не захотел), висит в бесчисленных копиях на всех стенах. "Мы находим у Гёте как бы отдохновение и воодушевление, но не освобождение от того бремени, которое на нас возложено, и не введения в мир, который стал нашим, но был неизвестен Гёте". "Он не осознал задачи отыскания пути для человека в этом новом мире. Потому Гёте с этой стороны и столь чужд нашему миру. Здесь он нам ничем не поможет. Лишь угрюмо-романтический современник может, наверное, сослаться на него - против того, что давно стало явью и признано истинным"².

Данное изложение пытается показать, что такой портрет - искажение, что Гёте ничуть не отстал от наших современных задач, что настоящее время, напротив, хотя и не в отдельных достижениях, но в средствах и в характере познания, ещё далеко его не наверстало. Каждое размышление о Гёте, если придать ему сегодня некоторое значение, должно привести к такому историческому самопознанию.

II.

Глубинные движущие силы гётевского мировоззрения ни в каком его элементе не обнаруживаются, пожалуй, так очевидно как в его идее эксперимента. Поскольку значение этой идеи может быть понято только в ее отличии от познавательных основ современного естествознания, следует сперва остановиться на них.

В начале обратим внимание на понимание мира и самого себя, которые проявляются в экспериментирующем поведении. Предлагается это рассмотреть как выражение, как жест культуры. Лучше всего мы понимаем такой жест в его физиогномическом смысле и значении тогда, когда выясняем для себя отличие его состояния сознания от культового переживания бывших культур. Древние культовые действия и учреждения "концентрируют Бога в человеке"³. Действие, атрибуты, жест архитектуры и принимающе-обнимающая (обволакивающая) красота позволяют тем, кто благоговейно открывается, испытывать сошествие сил, творящих мир и человека, и соединение с ними.

Такой опыт соединения становится уже окончательно невозможным с того момента, как только мир, который был святым и родным, исчезает за маской застывшего отчуждения, то есть со времен Галилея, для которого содержанием "философии", тогдашней науки о мироздании, становится учение о движении небесных тел. Исконное устремление человека - соединение переживания себя и вселенной, осталось, тем не менее, таким же, как и прежде. Однако оно уже не распоряжается теми же средствами. Содержанием такого опыта уже не может быть наличие божественно-живого мира в человеке, в его действиях и свершениях, но отныне человек наоборот должен в отделенном от него мире вновь найти ту волевою и формирующую силу, которую он вкладывает в этот мир⁴. Это осуществляется в эксперименте, в лежащем в его основе познавательном поведении и в технике, которая распространяется вокруг него концентрическими кругами. Поэтому эксперимент и состояние сознания, несущее его и несомое им, с

начала его возникновения представляют собой **культ снизу** - в противоположность переживаниям и настроениям тех давних времен, которые требовали, способствовали и участвовали в культе сверху. Экспериментируя, современный человек достигает или добывается нового вхождения в закрытый мир и вырывает у него то содержание сознания, которое обеспечивает ему надёжное существование. Тем самым он вживается в связь с миром, подобно тому как этот мир вливался в культовые образы, события и переживания древнего человека.

Итак, посредником между *Я* и миром, в котором нуждается человеческое стремление к причастию, стал эксперимент, выступающий в качестве современного культа - вместо культа старого. В "Новой Атлантиде" Бэкона мы находим эту же идею причастия, высказанную в утопической форме. Характерной для неё является властное искажение, ничуть не свойственное ей по сути, о чём мы ещё будем говорить, но представляющее одну из опасностей, которые она должна преодолеть, чтобы проявиться во всей чистоте. В упомянутом сочинении Бэкон отводит огромный дворец некоей соломоновой коллегии естествоиспытателей. Здесь в определенных областях уполномоченными на то людьми проводятся разного рода мыслительные эксперименты - вплоть до отыскания всех законов природы и полного ими овладения. С помощью этого мыслительного центра природа полностью подчиняется единовластному человеческому духу. В этой утопии некоего деспотического культа экспериментальное стремление к причастию выражено с грандиозным искажением. При этом культурно-физиогномически значительным является именно переворот происшедшего в древнем культе процесса соединения.

Сожалея о потере содержания переживаний, не следует упускать из вида чрезмерный прогресс сознания, который происходит при переходе к экспериментальной деятельности. Самосознательность обостряется *Я-силой*, а человек освобождается лишь в той мере, в какой он сам определяет и совершает то, что связывает его с миром, а способность к такому самоопределению он обретет только в эксперименте. До этого связь с миром определяется совершенно иными процессами и опытами, типичными для которых являются именно древние культы. Если раньше их преимущественно объясняли в наивной аналогии с нашим сегодняшним сознанием, как соответствующие примитивной ступени развития, то теперь научились несколько лучше понимать их культурно-физиогномическое своеобразие. Но следует также увидеть, в какой всё притупляющей противоположности к этим более мутным (но оттого тем более богатым) формам сознания экспериментирующий человек вырабатывает свои индивидуальные (но оттого поначалу тем более слабые) силы духа, потому что он, с одной стороны, нуждается в них для ведения экспериментов, с другой, обретает и тренирует их, экспериментируя. Он уже не может довольствоваться опытом, добываемым вдохновением, или традиционными душевными и социальными приобретениями (сознания) подобного происхождения, которые поначалу встают как преграды на пути уже проснувшегося, но ещё опирающегося на них сознания. Лишь в ходе бодрствующей мыслительной работы внутри себя он может надеяться добиться того, что окажется пригодным для обработки отчужденного мира. И он

обнаруживает, что выработанное им внутри применимо к миру. Он прямо встраивает себя в переживание всё лучше и лучше удающегося **пра-опыта** - при правильном соединении внутреннего и внешнего мира возникает нечто новое. Совмещение восприятия и понятия (это следует постигать и утверждать в полном его значении) и есть праэксперимент. Нельзя сказать, что соединение восприятия и понятия, являющееся основой всех человеческих переживаний, не существовало и раньше; существенно то, что оно теперь переживается полностью сознательно, и то, **как** оно переживается. В том, что сформировавшееся как мысль внутренне можно слить с отчужденным внешним, превращенным в механизм, что существует принципиальная возможность путем сведения двух поначалу противостоящих друг другу вещей дать возникнуть чему-то новому, в том, что, таким образом, эксперимент заложен в сущности человека и мира, - и состоит прапереживание, которое, словно вновь вспыхнувшее небесное светило, освещает современное развитие сознания и его культуру.

В этой связи нельзя не вспомнить об одном судьбоносном процессе в истории развития сознания. С экспериментальным опытом действительности соединяется другой опыт - переживание трансцендентности, якобы потусторонней действительности. Наиболее рельефным выражением потусторонности мира по отношению к нынешнему сознанию представляется Бог христиан. На самом же деле центральным моментом христианского переживания является как раз полностью поюстороннее внутренне душевное соединение с основой действительности - вочеловечение Бога. С другой стороны, дохристианский опыт знает безмерное отличие (отчуждение) творения от творца, чувственного мира от сверхчувственного, но не знает настоящей трансцендентности.

Ибо нет ещё опыта внутренней жизни как точки отсчета, которая развивается только из христианского переживания. Только со становлением Христианства человеческое самосознание начинает постепенно просыпаться. Ибо, начиная с этого момента, в выявленном внутреннем переживании можно испытывать ни с чем не сравнимое. Но древнее культовое переживание ещё даёт о себе знать - и принимает при сопоставлении с юной внутренней действительностью специфическое качество потустороннего. Таким образом, переживание трансцендентного коренится в том, что устаревшее состояние сознания продолжает жить в новообретённом. Ещё недостаточно крепко развитое самосознание постоянно смешивает собственный опыт с ещё сохраняющимся старым, стремясь найти своё содержание в трансцендентном⁵.

Соотношение нового и старого в религиозной сфере повторяется в научном сознании. Законы, которые экспериментальное сознание вырабатывало внутри себя, находит оно вновь в мире, отчуждённом вплоть до материальной телесности. Но оно неверно понимает самоё себя, если хочет ещё открыть действительность иного рода, нежели та, которая проявляет себя в данной закономерности. Рудольф Штайнер в своих гносеологических трудах⁶ показал в ясных понятиях то мировоззрение, которое в большой мере неосознанно стало основой гениальных благоразумных идей Гёте. В этих работах он доказал, каким образом оригинальная

действительность постигается в мышлении внутренним порождением. Он показал далее, что факты, подвергаемые чувственному восприятию, представляют лишь половину действительности, которая, следовательно, не предстоит бодрственному переживанию как независящая от него готовая данность, но возникает только через совмещение воспрятийно-принятого и понятийно-порождённого. Наконец, он определил, что закономерности воспринимаемого мира, хотя и не выводятся из мышления, но предварительно формируются в нём и в случае успешного мыслительного эксперимента могут быть вновь рассматриваемы в нём как объективные идеи. Так и повторяется свойственный мышлению акт интуиции в модифицированном виде в мыслительно-экспериментально проникнутом мире. Тем самым в индивидуальном переживании посредством эксперимента обнаруживается то, что доиндивидуальный опыт представлял человеку в виде культа. Но последствие такого культового переживания проявляется и впредь. Экспериментальный опыт пока еще не видит (вначале лишь в пределах механического материального мира) охватываемую им в процессе возникновения действительность. Из чего делается вывод, что должно отыскать за её пределами ещё и другую действительность, подобную культовой.

Характер действительности бодрственно-сознательного пронизывания мира восприятий и руководимого им в узком инструментальном смысле "экспериментального" действия таким образом ещё не понимается. В то время, как лишь неясно ощущается суть возникающей таким образом действительности, отыскивают другую, которая наполняется содержанием в стиле более старого опыта, независимо от собственной активности духа (бодрственно-сознательного мыслительного пронизывания).

Это имеет весьма далеко идущие последствия. Следует прежде всего обратить внимание на то, что, искомая вне экспериментального познавательного переживания, действительность не может быть представлена без того, чтобы на ней уже не была поставлена печать этого старого переживания, после того как оно проявилось. Ядро же собственного человеческого существа переживается теперь как деятельность. Где действительна собственная деятельность, там, по-видимому, не может быть обнаружена искомая независимая от неё действительность. А собственная деятельность обнаруживается даже в восприятиях органов чувств. То, что они охватывают, не имеет требуемого характера действительности. С другой стороны, уже имеется опыт переживания объективности как чего-то отчуждённо противостоящего собственной деятельности. Именно этот опыт только и делает возможным требование некой действительности, независимой от собственной деятельности. Найти таким способом какое-то иное понятийное содержание объективности, кроме того, которое дает восприятие, не удастся. Поэтому объективность, испытываемая восприятием, представляется вторично вместе со специфическим довеском той действительности, которая обусловлена древним культовым опытом, то есть вместе с такой основой древнего, которая остаётся светски внешней в своей сущности и лишь наполняет переживание последними струйками своего воздействия. Без такого последствия древнего культового переживания осталась бы непонятой абсурдность попыток предположить наличие

постигаемого элемента вне (деятельного) постижения при его одновременной непостижимости. Итак, трансцендентная действительность остаётся как в религиозном, так аналогично и в научном переживании пережитком старого в условиях более юного состояния сознания.

Если же теперь хотят оперировать с введённым таким способом трансцендентным элементом, то неизбежно придётся переносить на него и прочие элементы (старого) опыта. Таковыми являются - *положение, движение и субстанциональность*, которые, на самом деле, приписывались элементам мира, представляемого атомно или корпускулярно. Современная физика, однако, признаёт, что эти свойства объектов приданы им только при вполне определенных условиях проведения опыта, и нет никакого смысла переносить их на трансцендентные объекты. "К атому нельзя более применять категории пространства и времени наблюдения, как и категорию причинности⁷. В том, что это так, нет ничего удивительного. Ибо пространство, время, движение и причинность суть отношения, которые мы создаём между восприятиями в определенных условиях, с помощью соответствующих понятий. Итак, само собой разумеется, что там, где отсутствуют факты и условия, нельзя предполагать соответствующие им связи. И совершенно правильно, если в этих отношениях усматривают всего лишь описание условий и результатов экспериментов. Карл Фр. фон Вайцзекер в связи с этим метко замечает: "Метафизические надежды физиков классической школы на обретение опоры на нечто, существующее как таковое, не оправдались⁸. Культовый (метафизический) опыт действительности недоступен на экспериментальной ступени сознания. Именно для неё верно то, что "последним критерием истины является эксперимент⁹. Если теперь, однако, мы усомнимся в том, что можно включить в область нашего познания что-то объективное, или же предположим за явлениями существование чего-то объективного, лишённого всяких свойств, то незаметно проявится рецидив и, опять-таки, вступят древние культовые формы переживания. Ибо в этих случаях к действительности, охватываемой через восприятие и понятие, будет примыслена действительность, культово наполненная (в старом смысле) независимо от экспериментального опыта. На самом деле для неё остаётся лишь пустая схема объективности, ещё не затронутая экспериментом. То есть конечным результатом и основой познавательного процесса предполагается то же, из чего он исходит.

Абсурдность такого представления отчётливее выявляется следующим обстоятельством. Никто не станет отрицать, что получение всё новых наблюдаемых фактов является одной из задач научного исследования. Потому что они будут способствовать всё большему раскрытию тонких структур материи. Полученные таким образом факты - либо непосредственно воспринимаемые, либо воспринятые по существу. Их особенность состоит в их бессвязности. Потому что связи не наблюдаются без нашего воздействия, но обретаются собственной деятельностью в понятиях и добавляются к фактам наблюдения. Следовательно, воспринятые, непосредственно или в силу своего характера, никогда не даёт объяснения, но всегда нуждается в нём, то есть во включении в связь подобных фактов посредством принадлежащих к ним понятий. Значит, если должны быть

найлены объяснения в виде дальнейших фактов воспрятийного характера (как в случае предположения трансцендентного бытия, каким бы ни было его содержание), то таким фактам будет приписано не только свойство объективности, но и понятийности. Таким образом, невоспринимаемое представляется как воспринимаемое, а непонятное к тому же и как имеющее понятийный характер. Легко увидеть, что речь здесь идёт о старой действительности прежнего культового опыта, возникающей без индивидуального воздействия, причём - в исключительно произвольной (деривативной) форме.

III.

Скатывание назад к культовой форме сознания, внутри экспериментальной, ведёт также к другим неразрешимым проблемам. Они лучше всего высвечиваются в связи с гётевской идеей эксперимента, которая поэтому теперь будет рассмотрена.

Прогрессивность взглядов Гёте становится наиболее очевидной, когда мы уясняем себе в духе предпосланного изложения, что решающие сложности для того или иного настроения сознания возникают тогда, когда внутри его придерживаются старых, не совместимых с ним элементов. Этим высказан вообще основной момент во всём историческом развитии. В другой стороны, выявившиеся во всей своей чистоте движущие силы несут в себе элемент прогресса. Во всяком случае, таково убеждение Гёте, когда он говорит об осознании добрым человеком правильного пути в его темных порывах. Своими научными достижениями на протяжении жизни он развил современный экспериментальный настрой сознания, очищенный от всех старых наслоений. В этом и состоит неопределимое значение его научного труда, открывавшего путь в будущее, и превосходство последнего над наукой в её сегодняшнем состоянии.

Это можно представить, исходя из его статьи "Опыт как посредник между объектом и субъектом". Эта работа направляет внимание читателя на три момента. *Первый* из них - это внутренние условия всякого познания, поскольку его успех во многом зависит от определённого настроения. Благодаря этому намечается определённый познавательный путь, то есть медитативно достигаемый метод. *Второй* момент - это выходящие за пределы прямых результатов познания последствия практического и общественного рода, которые оказываются весьма разнообразными в зависимости от того, был ли путь познания пройден последовательно или брошен где-то на ложном пути. Экспериментальный метод, как *третий* момент, можно охарактеризовать только на основе этих изложений.

1. Тому, кто хочет познать сущность вещей или "предметы природы сами по себе", следует очистить своё сознание от субъективных элементов, изживающихся в нём в виде симпатий и антипатий. Только с их преодолением становится возможным "брать данные для оценки не из себя, а из круга вещей". Стало быть, в процессе познания должны высказываться не формы проявления собственной субъективности, а сами вещи. В смысле выше сказанного здесь необходимо

добавить, что наиболее трудно распознаваемые преграды познания происходят из более ранних действий и настроев - поведений, которые стали привычными, обрели характер традиционной силы и требуют удовлетворения там, где это уже нельзя оправдать.

2. Как и во многих других местах своего труда, Гёте здесь действует весьма тщательно и осмотрительно, перечисляя те опасности для процесса познания, которые обусловлены неочищенной субъективностью. Далее он продолжает свои высказывания о моральности познания, указывая на её социальное значение. Если сознание не определяется субъективными причинами, то никакое стремление к личной выгоде, никакая зависть и никакое честолюбие, очарование или разочарование в успехе не сможет поставить перед ним такую преграду. Кроме того, в виду обилия (избыточности) действительности, познающему потребуется сотрудничество и поддержка единомышленников. Особое значение при этом имеет то, что Гёте говорит в этой связи о коммуникации требуемых временем и подобных "живой воде" результатов познания в познающих. "Самые замечательные открытия" делаются "не столько людьми, сколько временем". Важное же обнаруживается различными мыслителями одновременно.

Можно дополнить это следующим образом. Когда познание, благодаря преодолению субъективных мутностей, становится способным схватить сущность вещей, тогда познающий вживается в те порядки, структуры, которые пронизывают действительность. В этих упорядочивающих структурах и в соответствии с ними соединяются (разные) стремящиеся к познанию. Ибо то, что в их субъективности разъединяет их, они, познавая, преодолевают. То есть, так же как общность требует познания, так, со своей стороны, истинное познание становится элементом общности. Соответственно познавательному участию в порядках действительности человеческие достижения выстраиваются в одну объективную расчленённую цельность достижений. И этот порядок представляется глубоко обоснованным, коль скоро мы убеждаемся в том, что в экспериментально-интуитивном проникновении вещей мы захватываем их сущность в её полной духовной жизненности. В культовом же опыте люди наоборот ощущают себя захваченными "сверху" теми силами, которые творят действительность. Эти переживания продолжают сказываться в различных учреждениях, в познавательных привычках и инстинктах. Однако новая форма сознания требует нового стиля в развитии сообщества. Истощение старых сил обнаруживается в нынешних кризисах общественности. Современные сообщества могут и должны быть сообществами познания, то есть такими соотношениями людей, которые строятся "снизу", бессамостно? вырабатывая общую свою задачу. Подобная культура сообщества ещё только начинает заявлять о себе. Она обнаруживается лишь в конвульсиях истощённых старых общественных сил. Высказывания Гёте предвосхищают новые формы сообщества и указывают на ведущие к ним морально-познавательные пути. Некоторое подобие гётевской идеи об исследующем и познающем сообществе можно найти в представлениях Ч.С.Пирса (Ch.S.Peirce) о сообществе лаборатории.

3. Здесь Гёте впервые начинает говорить о специфически современном средстве познания, об эксперименте, то есть о преднамеренном постановлении и повторении феномена. В то же время указывается на опаснейший подводный камень на экспериментальном пути. Истинная ценность экспериментов состоит в их связи с другими, принадлежащими к той же области фактов. Ибо Гёте убеждён, что в основе природных фактов лежат объективные идеи, праобразные формирующие силы. Они являются теми придающими единство силами, которые определяют частности и из чьей всеохватывающей целостности выводятся эти частности. В природе, однако, каждое явление модифицируется побочными обстоятельствами. Отсюда задача исследователя заключается в том, чтобы с помощью ряда опытов, очищено от несущественных обстоятельств, выявить этот дающий единство элемент: объективно-идеальную формирующую силу. При этом опять-таки, решающим моментом является то, что результат познания нам сообщает не познающий субъект, а сама вещь. Объединяющим фактором должна быть сама усматриваемая формирующая праобразная сила, а не субъективно навязываемая этому усмотрению связь. Исследователь должен, поэтому, строго избегать искушения пытаться выступить адвокатом неverifiedированной наглядно гипотезы. Дело состоит именно в том, чтобы интуитивно обрести закон в сопоставлении непрерывного ряда явлений. Гёте здесь проявляет принцип наглядно тесного родства (непрерывности) и естественной связи. Нельзя сопоставить ряд опытов так, чтобы при этом гипотетически перескакивали и скрывались пробелы. В качестве связок могут выступать только наглядные элементы, имеющие естественное родство. Найденное в духе исследователя понятие нельзя относить к явлениям с помощью субъективных решений, а остающиеся пробелы нельзя заполнять фальсифицирующей начинкой из субъективных представлений. Понятие должно так располагать явления, чтобы оно могло увидеть себя в вещах в собственном объективном соответствии, и это его единственная законная функция в эксперименте. Тогда оно наглядно обнаруживается как не являющаяся сама подвижная и движущая сила в метаморфозах объединённого им ряда явлений. Там где это не получается, мыслительный и зависящий от него (реальный) эксперимент, проводимый в соответствии с фактами восприятия, должен быть предпринят заново.

Эта идея эксперимента изложена в упомянутом сочинении не точно в том виде, в каком она описана здесь. Гётевское толкование (эксперимента) дополнено высказываниями, которые можно найти в других его работах. Однако принцип непрерывности или наглядности ясно высказан в статье об опыте. А Гёте не (за)говорит об этом опыте без того, чтобы ещё раз с большей внушительностью не предостеречь от познавательно-моральных опасностей, которые противостоят принципу эксперимента. "Требуется большая осторожность, чтобы не делать из экспериментов слишком поспешных выводов: ибо при переходе от опыта к суждению, от познания к применению как раз и подстерегают человека, словно на перевале, все его внутренние враги: воображение, нетерпение, поспешность, самодовольство, косность, формализм мысли, предвзятое мнение, лень, легкомыслие, и как бы вся эта толпа с её свитой ни называлась - все они лежат в засаде". И здесь, симметрично предыдущим высказываниям о социальной

целительности морали и практики познания, следует описание социальных заболеваний, возникающих на ложных путях познавательно-моральных неудач. При созерцании праобразных сил человек вживается в объективные идейные структуры и тем самым в современные формы сообщества. Тот же, кто защищает гипотезы или теории, не подтверждённые интуитивно, живёт в стихии субъективного. Он слишком легко влюбляется в собственное творение. Честолюбие толкает его на то, чтобы придать ему (собственному творению) значимость. Его ослепительное остроумие приводит к образованию новой школы, которая, в конце концов, становится сектой. Таким способом на место вживания в возможный порядок иерархической структуры вступает духовная деспотия. Подчинённые ей объединяются не в познающей любви к делу, а в субъективных интересах, фанатизме и суггестивном представлении эффективности.

Здесь снова следовало бы привести некоторые разъясняющие соображения. Мы уже говорили о том, что познавательное поведение неверно понимает самого себя. Его истинное значение, как было показано, состоит в том, что оно, хоть и не непосредственно в понятиях, но посредством понятий наглядно постигает действительность в вещах - универсалиями *ante res* (до вещей) постигает универсалии *in rebus* (в вещах). Если, однако, оно остаётся при мнении, что целью познания должна быть доиндивидуально наполненная действительность культового переживания, тогда его жест должен быть жестом овладения. Если человеческое познание не может соединить себя с действительностью как созидающий её элемент, то оно по необходимости стремится овладеть тем, что лежит вне него. Трансцендентная действительность в переживающем её субъекте обязательно побуждает волю к власти, даже если бы он обманывал себя, и воля эта выражалась бы в подчинении или в намеренной неудаче. Такими как раз и будут те формы переживания, которые хотят овладеть тем, что недостижимо иным способом. Современному естествознанию хорошо известен этот определяющий его характер власти. "Эксперимент это применение власти на пользу познания. Но и наоборот, он позволяет применить познание на пользу власти. Его дары и угрозы это дары и угрозы власти"¹⁰ Так обстоят дела уже у Бэкона в его утопии, а также у Канта, когда тот предлагает экспериментальному разуму ставить свои вопросы не так "как школьник, которому подсказывают то, что хочет слышать учитель, а как чиновник-судья, заставляющий свидетелей отвечать на предлагаемые им вопросы"¹¹.

Кто не только хочет власти, но и должен её хотеть, потому что действительность лежит за пределами его существа, тот не в состоянии объединиться, как свободный со свободным, в познавательные сообщества, где он вместе с другими участвует в подражающей и новосозидающей формирующей силе, которая действительна, с одной стороны, в сфере праобразов, с другой - в собственном познавательном творчестве. Его не обязательно побуждает лишь ближайшая субъективная выгода. Возможно, что он подчиняет себя вместе с другими какому-то признанному принципу ради успешного постижения действительности или же каким-то другим образом ищет и якобы находит нечто, определяющее его помимо сознательного решения, выступающее как внутренний авторитет в его собственной душе или как авторитет внешний среди живущих или живших до него. Тогда повелевать будет не его

собственная, а через него другая власть. Однако настрой сознания, в котором мы соотносим себя с действительностью, всегда определяет также и наше положение в социальном сообществе, и нашу способность к со-общности. Это замечательное прозрение Гёте высказывает в реферируемом сочинении с подчёркнутой убедительностью. Невозможно избежать волю к власти, если не преодолевать её благодаря любви к познанию, заслуживающему такое имя. Власть не может быть преодолена властью, но только познанием. Кто хочет побороть принуждение принуждением, тот, тем неизбежнее, станет его жертвой внутри себя самого.

После настойчивых предупреждений об угрозе ложных путей и соблазнов гётевское изложение снова обращается к характеристике экспериментального метода. Требование непрерывности интерпретируется точнее как получение опыта "более высокого рода". Те феномены, которые познаются прежде и легче всего, являются случайными (первоначальными опытами являются случайные феномены). Более высокие опыты придают единство непрерывному ряду. Они производятся экспериментально один за другим как различные феномены ряда, и их сопоставление так же является мыслительным и наглядным экспериментом. Если удаётся эксперимент, образующий ряд опытов, тогда в феноменах этого ряда обнаруживается один единственный праженомен, то есть "опыт более высокого рода", чьим рассматривающим органом является экспериментально образованное понятие, тождественное с ним по сути. Результат опыта более высокого рода - это экспериментально верифицированное чистое (праобразное) понятие, которое в своих модификациях, также экспериментально верифицированных и индивидуализированных, рассматривается как их движение и переживается в собственном внутреннем движении (в переживании собственного внутреннего движения). Вот как великолепно характеризует Гёте технику и этос эксперимента. Совершенно ясно, что Гёте получает свои опытные данные "более высокого рода" за счёт того, что внутренне приводит в движение те представления, которые возникают при становлении непрерывного ряда, и таким образом, доходит до интуиции праобразной идеи, которая открывает (проявляет) себя в отдельных явлениях ряда. Отсюда эксперимент для него имеет значение медитации, которая в результате движения представлений восходит к интуиции.

Сочинение завершается сравнением экспериментально-интуитивного метода с математическим. Математика обретает свои понятия в чисто мыслительной работе. Их применение к действительности - интуитивное. Действующий при этом принцип - непрерывность, то есть недопущение любых гипотетических не наглядных перескоков. Будучи далёк от того, чтобы недооценивать значение математики, что неверно ставили и ещё ставят ему в упрёк, Гёте наоборот хочет поднять математический метод до назначенного ему универсального значения. Он признаёт, что это возможно лишь в том случае, если освободить математику от ложного постулата, будто она захватила действительность (или же, по крайней мере, её символы) во всех сферах фактов в количественной форме бытия. Заблуждением здесь является представление, будто действительное не выявляется в акте познания через объединение обоих компонентов - восприятия и понятия - в

разнообразных квалификациях, но существует (наличествует) в готовом виде вне процесса познания.

Разумеется, если познавательный акт математики постигал бы что-то существующее вне себя и не принадлежащее к её специфике, тогда именно ему и могло быть приписано общее значение для действительности на основе внутренней цельности математического познания. В противоположность этому недоразумению Гёте вовсе не распознаёт значение математики в такой её власти над некой единообразно-общей действительностью внешнего. Вместо того он видит в ней высшую школу интуитивного познания, которое она превосходно тренирует в той области фактов, которая первоначально доступна её понятиям, сама не развивая об этом ясного сознания. Вопреки многим приписываемым ему неверным толкованиям, Гёте, однако, понимает прогресс познания не как возврат к наполненным культовым содержанием формам действительности, а как дальнейшее развитие экспериментально-интуитивного познания, (пред)расположенного уже в области математики. Гёте отдаёт себе отчет в том, что математическим познанием мыслительно-интуитивно постигнутое вновь объективно рассматривается в математически упорядоченных фактах. Это рассмотрение есть результат удавшегося эксперимента, который снова воссоединяет целостное действительное, разорванное человеческой организацией на восприятие и понятие. Таким образом, эксперимент это не средство овладения действительностью, лежащей за его пределами, а восстановление или новообразование действительности, разорванной до момента его успешного завершения. Инструментом, осуществляющим это разделение и воссоединение, является человек. Мироздание создало себе в нём средство, с помощью которого оно достигает индивидуального рассмотрения своих упорядочивающих сил. Мир для Гёте представляет собой целостно-живое духовное существо, которое поднимается вверх к новому состоянию сознания, экспериментируя себя в человеке. Человек это эксперимент мироздания, в котором оно себя поляризует и возвышает. Приборы сами по себе никогда не будут в состоянии овладеть некоей действительностью без определения ос стороны "праэксперимента", который сам человек представляет собой. Из гётевских "Изречений в прозе" приведём здесь следующие: "Человек сам по себе, поскольку он пользуется здоровыми чувствами, есть самый большой и точный физический инструмент, какой только может быть, и величайшая беда современной физики именно в том, что она как бы отделила эксперименты от человека и хочет познать природу только через показания искусственных приборов и даже ограничить и доказать этим свои деятельные возможности". "Разумный мир надо рассматривать как великого бессмертного индивида, который безостановочно создаёт необходимое и благодаря этому делает себя господином даже над случайным".

На примере математики можно, таким образом, изучать интуитивный характер современного способа экспериментального познания. Если это будет понято, тогда станет возможным отделить этот вид познания от той предметной сферы, в которой он сегодня естественно употребляется, а также применить его именно по способу познания к другим областям опыта, не обобщая при этом специфических

представлений из разных сфер. Экспериментально интуитивный метод выявляется тогда в своей универсальности именно потому, что он есть предметно-специфическое сращение познания с действительностью, возникающей в процессе познания в его собственной сфере. Поэтому не имеет смысла говорить о принципиально различных методах. Существует только единый метод современного естественнонаучного сознания, который бесконечно изменяется по каждому предмету и основан на характере самого сознания. Это вытекает из сущности процесса познания. Если это понято, то становится ясным, может ли этот метод быть распространён на те сферы действительного, чьи образы вообще не выявляются в количественно осязаемых формах, и как (это возможно). Исследуя эти образы, которые сами никак не принадлежат к количественно измеримой форме действительности, а лишь выражаются в ней как ступени всеобщей жизненности духа, то есть жизни, душевного и индивидуально-духовного бытия, Гёте внёс неоценимый вклад в грядущее развитие. Целостный метод, понимаемый здесь в смысле Гёте и современного естествознания, правильно осознающего самого себя, не является "стандартным" (усреднённым), и в тоже время это не один определённый методологический подход среди многочисленных возможных методов, толерантных в отношении друг друга. Целостный метод это, напротив, пробраз неограниченного числа специфических по предметам методов, поскольку суть его состоит в том, чтобы выявить сущность предметов в их собственной форме, то есть иметь возможность дифференцироваться (изменяться) согласно той предметной области, в которой он применён.

IV.

Результаты сравнения взглядов Гёте и современного естествознания на сущность эксперимента приводятся здесь ещё раз как резюме предыдущего изложения.

Гёте никоим образом не упустил шанса войти в область специфически современного сознания. Напротив, он придал этому познанию гораздо более чистую и современную форму, чем всё то, что до сих пор было сделано независимо от него. Он развил экспериментально-интуитивный метод в строгости, не достигнутой сегодняшним естествознанием, и тем самым освободил современную практику познания от трансцендентных элементов, остатков более старых форм переживания и познания. Эксперимент для него это не средство овладения такими содержаниями сознания и предметными областями, которые в выведенной(?) форме, по сути, родственны старому переживанию. В смысле Гёте задача эксперимента не в том, чтобы каким-то образом сделать видимым или постигаемым некое действительное, лежащее за явлениями. Напротив, он предназначен для того, чтобы представить мыслительному взгляду созерцательной способности суждения действительную объективную идею в вещах. С этой точки зрения эксперимент есть выражение и инструмент познания такой формы сознания, которой нужно только понять себя, чтобы распознать (стать способной распознавать) переживание действительности в старой форме сознания как устаревшее и больше уже не пригодное.

Гёте имеет об этом ясное сознание. В эксперименте и в экспериментальном поведении он только и даёт возникнуть (допускает возникновение) тем формам действительности, которые связаны с современным сознанием. Сам человек для него это праэксперимент разделения и воссоединения восприятия и понятия. Мироздание, которое по выражению Гёте, в целом и во всех своих частях есть постоянное разъединение и соединение, поднимает в человеке это процесс разъединения и соединения на его вершину. Своей организацией человек разделяет целостную действительность на восприятие и понятие. Своим мышлением он отесняет влияние собственной организации и, тем самым, оказывается свободным дать (позволить) действительности заново возникнуть в своём сознании путём объединения восприятия и понятия. Всеобщая игра разъединения и соединения принимает в человеке характер раз-осуществления и во-осуществления. Но осуществление *Entwirklichung una! Verwirklichung* может быть актом свободного существа, со своей стороны одаряя его свободой, только в том случае, если это не будет лишь результатом ожидания, но поиска, обнаружения и оформления в соответствии с тем или иным видом сознания. Поэтому такой результат должен быть экспериментом, и он подвергается как таковой всем искушениям недоразумения и заблуждения. В успешном опыте осуществления действительности не повторяется до того не познанная действительность, но возникает новая, а именно познаваемая действительность. Самым существенным признаком этой новой действительности является не то, что она возникает благодаря человеку, а то, что он возникает из неё. Человек возникает из неё в результате самоосуществления собственной, полностью осознанной и свободной сущности. Осуществляя мир в процессе познания, человек, тем самым, осуществляет самого себя. Удавшийся опыт творения действительности есть удавшийся человек. Человек есть праопыт, так как он своей организацией разъединяет элементы, связывание которых является задачей опыта, и в ходе познания соединяет их. Смысл этого опыта в том, чтобы дать возникнуть из созданного мира существу, творящему самого себя. Без опоры на несущее его духовное начало, которое он постигает в познании, человек, однако, не стал бы способным к самотворчеству. Следовательно, это повод не для высокомерия, а для смирения. Соответственно человеческое самоосуществление это полноценное культовое переживание, по своему характеру оно противостоит переживанию древних культов, воздействующих "сверху вниз", являя себя как культ, развивающийся "сверху вниз". Ибо современный эксперимент не наполняет культово-переживающего (человека) пронизывающей его духовной действительностью, как древние культы, но поднимает человека из предшествующей необходимой потери действительности в мир, проникнутый духом. Человек способен на такой подъём, потому что он в своём познании может выявить мир в новой форме и из себя самого как духовное существо. Человек как эксперимент и эксперимент как становление человека - это и есть гётевская идея эксперимента. Это одновременно и формула, показывающая смысл и сущность современной науки. Это и есть гётевская формула мира.

От праэксперимента становления человека через становление мира в познании выводятся и все другие опыты. Правильно понятые и тренируемые, они суть

ступени духовного становления человека. Но поднять экспериментально-интуитивный метод к достоинству, соответствующему его сущности, Гёте смог лишь потому, что отделил его от установки на определённую предметную область и, тем самым, придал ему универсальную изменяемость. Так Гёте возвращает опустелому мирозданию, превращенному односторонней математизацией в пустую арифметическую задачу, его разносторонность и многогранность. Он показывает к тому же, какие познавательные-моральные силы воспитания и исцеления, объединяющие в общности, свойственны современному познанию, математически очищенному, но и не привязанному к какой-либо предметной области. В то время как даже сейчас наше естествознание всё ещё не может выпутаться из остатков более древнего сознания, Гёте задолго до этого шагнул в будущее и ждёт, чтобы его догнали. Убедительные праобразные примеры того, как можно его не только догнать, но и перегнать, дал Рудольф Штайнер в многогранных и дополняющих труды Гёте исследованиях.

Примечания:

[1.](#) Примечание редактора: Данная статья в стилистически переработанном виде вошла в обширную книгу "Goethes universal dsthetischer Impuls", 1987.

[2.](#) Karl Jaspers. Unsere Zukunft und Goethe. Доклад.

[3.](#) Гёте. Изречения в прозе.

[4.](#) Rudolf Steiner. Naturbeobaachtung. Mathematik, wissenschaftliches Experiment und Erkenntnisergebnisse vom Gesichtspunkt der Anthroposophie, 1021, 5 Vortrag.

[5.](#) Ср. с этой статью "Замечание к обзору антропософии, представленному Р.Штайнером в виде эскиза".

[6.](#) См. прежде всего работы: "Основные черты теории познания ...", "Истина и наука", "Философия свободы", "Мировоззрение Гёте".

[7.](#) Gerhard Hannemann: "... (если атомы) имеют ... третью универсальную константу в размере периода 10-131 см, тогда нужно ... ожидать, что наши привычные понятия могут применяться только в таких сферах пространства и времени, которые по сравнению с этой универсальной линейной константой являются большими. Мы должны ... быть готовыми к тому, чтобы наблюдать процессы, носящие качественно новый характер, когда мы приближаемся в наших опытах к пространственно-временным сферам, величина которых является меньшей радиуса атомного ядра".

[8.](#) C. Fr. Von Weizsaecker,

[9.](#) C. Fr. Von Weizsaecker, Ibid. C Fr. Von Weizsaecker, Zum Weltbild der Physik, 1958, 49ff. "Однако всякое высказывание верно только при ссылке на эксперимент, с помощью которого оно было обретено, и не может быть обобщено и применимо к какому-то гипотетическому объективному и ненарушенному состоянию частиц или волн, ибо мы должны признать, что мы видели в эксперименте то, что сами создали эти наглядно проявившиеся формы действительного".

[10.](#) C. Fr. Von Weizsaecker, Da Experiment. "Studium Generale", 1947, Н.1, 8.

[11.](#) И.Кант. Критика чистого разума. Предисловие ко 2-му изданию, XIII: "Со своими принципами, в одной руке, с которыми должны соотноситься явления, чтобы быть возведенными в степень закона, и с экспериментами, обдуманно соответствующими принципам, в другой руке, должен подходить разум к природе, чтобы получать от неё поучения, однако не в качестве школьника, которому учитель говорит всё, что ему заблагорассудится, а в качестве опытного судьи, умеющего заставить свидетелей отвечать на предлагаемые им вопросы".